

Все, что помню об отце...

Внимательному читателю «Причулымской правды» хорошо знакома эта фамилия. Константин Иванович Снявский — давний и постоянный нештатный автор нашей газеты. Листая подшивку «Причулымки», можно найти заметки и письма Константина Ивановича о благоустройстве, о не порядках в обслуживании, в которых он не только критикует те или иные службы, но и дает дельные советы и рекомендации.

Сегодняшняя публикация для Константина Ивановича — особенная. В конце мая он, наконец-то, получил на руки справку о реабилитации отца — Ивана Иосифовича Снявского, незаконно репрессированного в декабре 1937 года. Отцу было тогда 38 лет, ему — 8. Что сохранила детская память об отце?.. Впрочем, предоставим слово самому Константину Ивановичу.

Новиковка... Старинное сибирское село, но так как в нем не было церкви, то называлась просто деревней. Хотя домов в Новиковке было около ста двадцати, длиной она была почти три километра. Земли пахотной было маловато, потому что через три кило-

метра вкруговую были деревни по речке Итатке: вниз по течению — Тихомировка, влево — Корнеевка, вверх по Итатке — Вороно-Пашня. Вся надежда была на корчевку перелесков, чтобы прибавить к своему скудному клочку земли еще клочок.

Именно поэтому Новиковка была деревней бедняцкой. Босяков в деревне хватало. И часто среди бедноты были разговоры: «Почему воронопашенские живут богаче, чем новиковские?». Этот вопрос всегда оставался нерешенным. Даже девчата из соседних деревень неохотно сюда выходили замуж.

В 1917 году появился в Новиковке незнакомый мужчина из Томска, подсел как-то к молодежи на вечеринке и рассказал, что только революция выведет их из бедности, но молодежи для этого нужно сплотиться воедино, разъярять народу, чего хочет партия Ленина для бедного люда. Рассказал и ушел в другое село. Как будто луч надежды осветил души молодых парней. Затеплилась обретенная искра. Сразу повзрослели ребята, чаще стали собираться группами, чаще — на полевых работах, и реже — прямо в деревне. Начались междоусобицы, потасовки с теми, кто жил немного справнее. Начали задирать босяков. Тогда Иван Снявский организовал свою группу для совместной обработки земли. Потом его избрали старшим, стали верить Ивану. У него была большая семья и всего одна лошадь. Семья — мал мала меньше, помощи не было. Весь труд ложился на плечи отца Иосифа, да на Ивана. Брат Григорий еще был мал, годен только на прополку посевов да уборку

...Появились белогвардейские банды. Деревня жила в страхе перед ними. В 1919 году, когда были ликвидированы банды, положение стало налаживаться. Братья подросли. Но пришло время идти Ивану служить в Красную Армию. 20 мая 1919 года в разгар посевной оставил Иван отчий дом на два года. Осталась недопаханной полоса...

Домой он заглянул только за тем, чтобы сказать отцу, что поступил учиться в Томске на курсы сельхактива при губкоме ВКП(б). А возвратился лишь в феврале 1923 года. Правда, уже не в свою Новиковку, а в Вороно-Пашню, заместителем председателя волисполкома. В июле 1924 года вернулся он в Новиковку и стал председателем сельсовета. Будучи по делам в деревне Кайнары, приглядел себе в жены дочку Ефима Сайченко Ксению, по бедности не уступающую ему. Долго пришлось уговаривать старого Ефима: не хотел он связываться родством с большевиком, боялся богатеев. Решилась сама Ксения. Увез Иван ее в Новиковку, а семья-то: полный дом, 10 человек! Спят и на печи, и на полатах. Пришлось молодым засучивать рукава да строить свой домик. С помощью соседей, родственников поставили его в одно лето. Постепенно жизнь стала входить в

Все, что помню об отце...

(Окончание.)

Начало на 2-й стр.)

свое русло, работали, не покладая рук все — и мал, и стар, Благо, домик рядом с отцом, а Ксения всех в помощь — золовок, деверей собрала. Развели огород, поросят. Пошло по деревне гулять хлесткое выражение «табор Синявских». А когда Иван вернулся с трехмесячных курсов из Томска, во дворе уже была лошадь, подаренная Ефимом Сайченко дочери. Теперь уже секретарь сельсовета Иван стал человек как человек: свой домик. Говорил, бывало: «Эх, жизнь! Помирать жалко! Как раньше жили и как теперь живем! Еще будем лучше жить, вот покончим с контрой, и заживем!». Но однажды летом в 1926 году ночью вернулся он с совещания из Вороно-Пашни злым, задумчивым. Лишь после настоячивых вопросов Ксении рассказал, что обстреляли его у самой деревни, у сухого болота. Пуля сбила фуражку. Потом были записки с угрозами, требованиями, чтоб уехал. И вот настало время бросить свой домик в Новиковке и всю жизнь скитаться по квартирам...

4 марта 1927 года Ивана переводят в Новокузнецкий волисполком. Только успели запастись продуктами с огорода, как вновь переводят его в Новониколаевку избачом. Здесь он проработал до 1929 года. Затем вновь направлен в Тургай, где предложили работу председателем рабочего комитета. Рабочим Иван не мог: тянула земля, свой брошенный домик в Новиковке. Но не суждено было сбыться мечте. Началась стройка железной дороги Томск — Асино.

Переехали на станцию Итатку, где Иван стал работать старшим рабочим по укладке железнодорожного полотна, потом — помощником прораба по строительству моста. В 1934 году отправился в Новосибирск на курсы партактива при «Сибстройпути». Нежданно-негаданно подступила болезнь: язва желудка. Пришлось просить направление в Барнаул на лечение. Подлечившись, он взял туда семью. В 1936 году потянуло на родину, в Новиковку. Денег хватило только до Томска, да и родной колхоз «Вехи Ленина» в Новиковке еле держал такое громкое имя. Молодежи не стало, одни старики. Так и остался Иван в Томске.

Стал работать простым рабочим на карандашной фабрике. Вновь заболел, после лечения перешел на госмельницу рабочим и работал там до 15 декабря 1937 года.

Вызвали его как-то неожиданно в НКВД. Иван рассказал о том, что кандидат в члены ВКП(б) с 1922 года, член — с 1925 года. Проверили документы, вернули.

Через месяц, ночью, идя с работы, заметил, что трое неизвестных крадутся следом. Только зашел домой, начал снимать рубашку, как распахнулась дверь. Один из троих с наганом — к отцу, а двое завернули ему руки за спину. Рубашка лопнула, оказалась на шее. Ремень из брюк сразу же был выдернут, брюки упали на ноги, тем самым спутав ноги. Порванная рубашка давила на горло, мешая дышать. Был сделан тщательный обыск. В куче нижнего белья, сваленного в углу в стирку, был и партбилет Ивана. Он успел его сунуть туда, как только услышал

шаги в коридоре. Успел еще сказать, что за ним крались трое. За час в доме все перерыли. Ксения была на последнем месяце беременности. Ее сбросили с койки и поставили лицом к стене в одной сорочке. Было приказано унять ревущих детей, одному из них, то есть мне, было 8 лет, а сестренке — 6. Деть держал под прицелом нагана первый, который вбежал и включил свет. Он тихо сказал: «Унять щенков, или всех перестреляю!». Даже соседи по квартире не поняли, что произошло.

Иван всю свою жизнь мечтал, что скоро люди будут жить радостно, все будут счастливы, «Подкопим, — как он говорил, — деньжат, поедем в свою деревню. У нас будут дедушка, бабушка, свой домик, огород, морковки будет — ешь, сколь хочешь...» Но только и заработал Иван, что 9 граммов свинца в свое сердце в возрасте 38 лет...

Даже фотокарточки не осталось — ни детям, ни внукам. Есть одна, на партбилете, и та в архиве. Так ее даже потрогать нельзя...

Иван верил Советской власти лучше, чем родному отцу. Что оставил он своим детям? Голод, смерть? Все здоровье положил за новую жизнь... Рожденный уже без него мой брат так и умер, прося хлеба. Он только и знал, что просил есть. А где было взять хотя бы 5 граммов, если хлебные крошки съедались по счету?..

Ивану же даже внуков не довелось увидеть.

К. СИНЯВСКИЙ.

г. Асино.